Китайские истории

Александр Матлин

SHOUT
SHARE
IT

- Александр Матлин
  - Предисловие
  - Я вернулся из Китая
  - Социализм с человеческим лицом
  - Опиум для народа
  - Когда русский с китайцем были братья навек
  - Первая поездка по Китаю
  - В толпе
  - Загадка частной инициативы
  - Всегда готов!
  - Иностранные друзья
  - Сталин и Мао слушают нас
  - Холодный южный Китай
  - Гам бей!
  - Причуды китайской грамоты
  - Моё открытие Китая
  - Китайский кондиционер воздуха: третий путь
  - У них в столице
  - А нам плевать
  - Что едят китайцы
  - Обед с музыкой
  - Торжество и ликование
  - Подозрительный мистер Бо
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

Александр Матлин
КИТАЙСКИЕ ИСТОРИИ

Предисловие

Эти истории написаны в 1991-м году, после того, как я по делам службы несколько раз побывал в Китае. В те времена Китай только начал открываться Западу. Появление белого человека на улицах китайского города было редкостью. Тем более — белого американца. Тем более — белого американца, говорящего по-русски.

С тех пор многое в Китае изменилось. Но что-то главное осталось. Нечто такое, что, наверное, никогда не изменится. А мои китайские истории стали чем-то вроде исторических свидетельств очевидца. В этом качестве они могут представлять интерес для вас, дорогой читатель. Итак…

Я вернулся из Китая

Первый раз я пробыл там целый месяц. И вот я вернулся домой, в свой родной штат Нью-Джерси. Звонит брат.

— Ну, расскажи, — говорит. — Какое самое сильное впечатление?

— Такое, — говорю, — что с продуктами хорошо. Никакого дефицита. Заходишь в магазин — полно жратвы. Покупай чего хочешь.

Брат молчит, видно не верит. Я говорю:

— Правда, я не шучу. Фруктов — навалом. На каждом шагу частники торгуют. Мандарины, бананы, груши — пожалуйста. “Кока-кола” и “Спрайт” в банках продаются. Такие же банки, как у нас, только по-китайски написано.

Брат ещё немного помолчал, а потом спрашивает:

— А социализм там есть?

— Есть, — говорю. — Сплошной социализм.

— И советская власть есть?

— Ещё какая!

— А дефицита нет?

— Нет, — говорю. Социализм есть, а дефицита нет. И очередей нет. Промтоваров в магазинах полно. Конечно, не так, как в Америке или, скажем, в Гонконге, но купить можно всё. И одежда есть, и обувь, и всякая эта японская электроника.

Вот такое впечатление. Шок, можно сказать. Подивились мы вместе с братом: каких только чудес не увидишь за морями-океанами! Тут тебе и социализм, тут тебе и еда в магазинах. Советская власть есть, а очередей нет. Как это у них получается?

Социализм с человеческим лицом

Когда бы вы ни включили телевизор, там идёт какое-то партсобрание, или съезд, или что-то в этом роде. Люди на трибунах произносят речи. Иногда они одеты в военную форму, на плечах погоны. Что говорят — непонятно, но лица серьёзные, полные ответственности за нижестоящий народ. Если нет съезда, тогда маршируют физкультурники. Или девушки в национальных нарядах со счастливыми улыбками поют что-то радостное.

Один раз показывали фильм явно романтического содержания — про любовь китайца и русской девушки. Китаец был красивый, мужественный, а девушка — так себе. Честно говоря — замухрышка. Видно, лучше не нашли. Они ехали в поезде, за окном расстилались родные просторы, и голос сказал довольно чисто по-русски:

— Поезд прибывает, стоянка пять минут.

Так я понял, что они приехали в Советский Союз. И точно, показали вечный огонь, могилу неизвестного солдата, почётный караул и шелестящие берёзы. Девушка растрогалась, припала к плечу китайца. Ещё сильнее зашелестели берёзы, заколосились просторы, и я выключил телевизор. Думаю, что роман закончился благополучно, но никакого намёка на секс по телевизору всё равно не увидишь. Похоже, что тема секса в Китае запрещена.

Это целомудрие хорошо гармонирует с государственной политикой ограничения рождаемости. Китайской семье разрешается иметь одного ребёнка. Об этом мне конфиденциально поведал один знакомый молодой человек.

— А если заведёте второго ребёнка, вас ждёт суровое наказание, — с грустью добавил он.

— Какое наказание? — спросил я, вздрогнув, и в памяти всплыл леденящий душу китайский анекдот про стерилизацию с помощью двух кирпичей.

Наказание оказалось не таким экзотическим, но не менее жестоким. Провинившихся супругов могут уволить с работы без права поступления на другую работу. Нет работы — нет зарплаты, нет рисовых карточек, нет баллонного газа и всех остальных благ, которые прилагаются к работе.

— Как же тогда жить? — спросил я и покраснел, вспомнив, какими глупыми нам казались вопросы американцев о Советском Союзе.

Мой собеседник снисходительно улыбнулся и объяснил, что тогда придётся зарабатывать на жизнь каким-нибудь мелким бизнесом. Например, продажей мандаринов с лотка или, скажем, починкой обуви. И я подивился мудрости китайских законов, которые, ограничивая рост населения, одновременно способствуют развитию частной инициативы.

Опиум для народа

Основная религия в Китае — буддизм. Есть там и мусульмане, есть немного христиан. О евреях никто никогда не слышал. За время моего пребывания в Китае я видел с десяток буддийских храмов. Все они похожи один на другой. Перед входом горят красные свечи, чадят какие-то благовония, так, что не продохнуть; наверно, это и есть опиум для народа.

Внутри храма на вас глядят свирепые, чудовищных размеров воины с мечами. Их четыре, по числу сторон света, и они охраняют Будду. Сам Будда — тоже огромный, золотого цвета, иногда многорукий, а иногда пузатый, как в смешных китайских сувенирах, которые продают у нас в Чайнатауне.

Народу в этих храмах всегда полно — и внутри, и снаружи. Религия не преследуется, не притесняется, но, похоже, находится под зорким надзором государства, как и секс, как, впрочем, и всё остальное.

В одном маленьком городе я видел храм, такой же, как все другие храмы: крыша с загнутыми вверх углами, жёлтые стены. Рядом шло строительство ещё одного, точно такого же храма. Уже был возведён каркас, и стропила на углах будущей крыши уже загибались вверх. На лесах висело красное полотнище, с виду похожее на политический лозунг. Я спросил переводчика, что там написано. Он перевёл: «Завершим строительство храма Божия в сжатые сроки с отличным качеством!».

Когда русский с китайцем были братья навек

Отзвуки тех далёких времён всё ещё раздаются в Китае слабым эхом. То встретишь на улице уродливую допотопную машину, оказывается — «Волга». То вдруг заметишь удивительную схожесть военных знаков отличия. То увидишь инженерные стандарты, мучительно знакомые, явно скопированные с советских, и повеет далёкой скучной молодостью.

Молодёжь учит английский — и в школах, и в институтах. А кто постарше, те учили язык старшего брата — русский. Так что половина китайского населения знает «спасибо», «до свиданья» и тому подобное. Машинистка по имени мисс Цо радостно доложила мне, когда нас познакомили, что она учила в школе русский язык. Это она сказала по-китайски, через переводчика.

— Ну, давай поговорим, — обрадовался я, переходя на русский, но мои слова упали в пустоту. Наверно, мисс Цо была плохой ученицей. Я сказал очень медленно:

— Как. Тебя. Зовут?

И это не помогло. Я попросил через переводчика:

— Пусть скажет что-нибудь. Что помнит.

И мисс Цо с готовностью выложила на хорошем русском языке:

— Наша партия — великая, славная и могучая!

Больше она ничего не помнила. Похоже, что её плохая успеваемость компенсировалась идеологической подкованностью.

Первая поездка по Китаю

Я жил в уединении, вдали от цивилизации и работал по двенадцать часов в день, потому что всё равно делать было больше нечего, и по шесть дней в неделю, потому что все в Китае работают шесть дней в неделю. Суббота там не выходной (может быть, поэтому в Китае нет евреев?). Но вот однажды настало воскресенье, и я сказал, что хочу в город.

— Ноу плоблем, — сказали мои гостеприимные хозяева. — Будет сделано.

Приехал на джипе застенчивый юноша Шао Ли и повёз меня в город Ниньгбо, ближайший центр цивилизации. До города километров сорок по бетонной дороге среди ярко-жёлтых полей цветущего «масляного растения», из семян которого, как нетрудно догадаться, выдавливают масло. Весной соберут урожай масляных семечек, поля зальют водой и засеют рисом. В конце лета соберут рис и ещё раз засеют рисом. Поздней осенью соберут второй урожай риса и посеют масляное растение. И так далее в течение следующей тысячи лет. Всё это делается руками частных фермеров, хотя земля по-прежнему им не принадлежит, а дана государством в аренду.

Несмотря на выходной день, на дороге было много велосипедистов. Мне это показалось странным. Шао Ли бросил баранку и знаками объяснил, что воскресенье — выходной не для всех. Многие предприятия работают, а значит, работают и люди. Все люди в Китае — велосипедисты. Вот они и едут на работу.

Шао Ли безостановочно гудел, но велосипедисты не реагировали, а продолжали ехать кто как хочет: кто — с краю, кто — посередине, а кто — и вообще поперёк дороги, с одного края на другой, не обращая никакого внимания на машину. Что-то у них было не так с ментальностью — явно отсутствовало чувство страха перед быстро движущимся предметом. Но Шао Ли только гудел, а вовсе не нервничал и не матерился, как, казалось бы, полагалось шофёру. Время от времени он, не меняясь в лице, совсем было, сшибал этих невозмутимых велосипедистов, и я слабо вскрикивал и хватался за сердце. Но нет, каждый раз каким-то чудом обходилось.

Машин на дороге было мало; гораздо чаще попадалось этакое странное движущееся устройство, похожее на огромного термита. Они его называют трактором, но на самом деле это не трактор, а просто телега, запряженная мотором. Мотор совершенно открытый, с маховиком и приводным ремнём, сидит на

двухколесной тачке-каталке, и всё это пристёгнуто к телеге спереди, на отшибе. Извозчик располагается в телеге, и в руках у него вожжи с акселератором. И вот это умопомрачительное устройство, нагруженное чем угодно, с грохотом и дымом носится по дорогам Китая, развивая народное хозяйство.

Вдоль дороги теснились какие-то невзрачные то ли лачуги, то ли склады, но были и многоквартирные дома, уныло однообразные и вполне современные на вид. Пейзаж был непривычный, какой-то китайский: вроде бы — равнина, и дорога прямая и плоская, но тут же по сторонам — горы. На крутом склоне одной такой горы было кладбище. В Китае принято хоронить людей на горе, чтобы ближе к небу, объяснил мне знаками Шао Ли. При этом он заразительно хохотал: мысль о смерти его чрезвычайно смешила.

На нашем пути вдруг оказался светофор, а после него началось что-то неожиданное: новые модерновые здания, ухоженные лужайки, какие-то абстрактные скульптуры. Шао Ли снова бросил баранку и знаками объяснил, что мы находимся в зоне свободного экономического развития. Он вкратце остановился на принципах частных инвестиций и знаками развил идею привлечения иностранных капиталовложений в хозяйство Китайской Народной Республики. Зона вскоре кончилась, и опять пошли жёлтые поля, безмятежные велосипедисты-самоубийцы и халупы, похожие то ли на дома, то ли на амбары, то ли брошенные, то ли недостроенные.

Так продолжалось ещё с полчаса, а потом дома стали расти, обступая дорогу, жёлтые поля исчезли, и мы въехали в город. Здесь туча велосипедистов сгустилась настолько, что мне показалось, будто на улице потемнело. Если вы, читатель, когда-нибудь плавали под водой в тропических морях, то я вам могу легко описать это ощущение. Это — когда попадаешь в косяк мелкой рыбы, и она стремительно несётся навстречу, словно серебряный снегопад, но ни одна рыбка тебя не задевает. Шао Ли продолжал невозмутимо гудеть, но скорости не сбавлял. Я продолжал слабо вскрикивать и хвататься за сердце, а велосипедисты неслись навстречу, обтекая нас, но не задевая. Наконец, эта предынфарктная езда кончилась, и мы запарковались. Я перевёл дух.

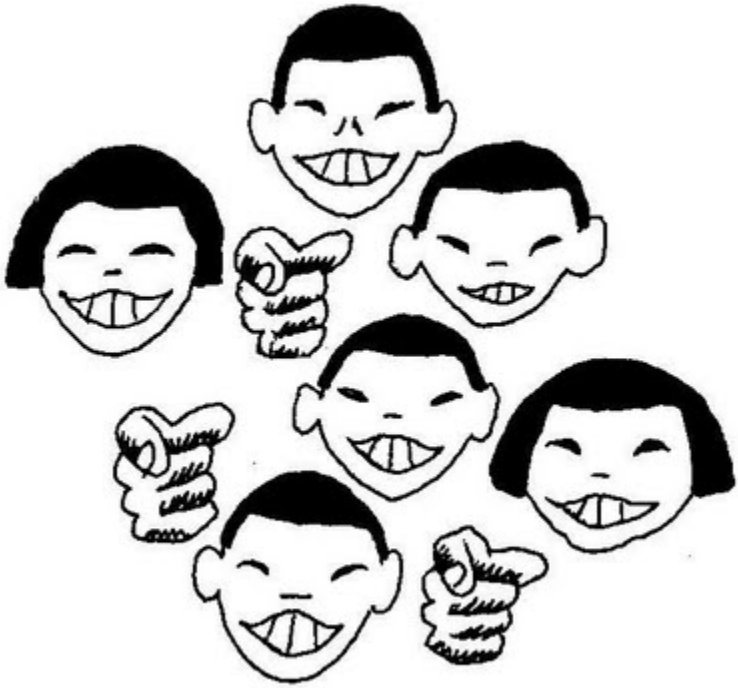
В толпе

Улицы китайских городов, и больших, и маленьких, кишат народом. Вы видите и ощущаете, как велико население этой страны — чуть ли не полтора миллиарда человек. Каждый четвёртый человек на земле — китаец. Если сложить вместе США и Россию, и то половины Китая не наберётся. Страшно подумать!

Толпа выглядит довольно пестро. Времена синих маоцзедуновских френчей ушли в прошлое, и теперь на улицах царят яркие цвета; это праздник первой дарованной свободы — свободы одеваться. Среди молодых людей в моде чёрные кожаные куртки, но это не убавляет царящей в городе пестроты.

За месяц пребывания в Китае я побывал в трёх больших городах, в том числе в Шанхае, и в нескольких маленьких. Я бывал на улице днём и вечером, в рабочие дни и в выходные, в центре и на окраинах. И плотность толпы никогда не спадала. И в этой толпе, заметьте, все были китайцами. Кроме меня. На меня оглядывались. Раскрывали рты. Иногда показывали пальцами. Иногда сдержанно хихикали. Впервые в жизни я испытал это чувство — быть внешне не таким, как все, и мне стало не по себе. Захотелось пожелтеть и прищуриться.

Взрослое население ещё как-то соблюдало приличия. Моим несчастьем были дети. Эти негодяи реагировали на меня так, как будто увидели живого птеродактиля. Они вскрикивали, дёргали друг друга за рукав, чтобы, не дай Бог, друг не пропустил зрелища, они хохотали до слёз. Одна девочка, взглянув на меня, завизжала так, что на улицах Шанхая остановились троллейбусы. Один мальчик заплакал от страха. Я стал прятаться при виде скопления детей. Я поймал себя на том, что злорадствую по поводу закона, ограничивающего деторождение в Китайской Народной Республике.



Загадка частной инициативы

Находясь в Китае, я редко оставался один. Куда бы я ни ехал, меня сопровождали, как минимум, два человека — шофёр и переводчик, а зачастую ещё и какой-нибудь любознательный друг шофёра или друг переводчика. Но однажды, уже возвращаясь в Америку, я провёл целый день в одиночестве. Это было в Хонгчжу, в прелестном городе, одном из самых знаменитых туристских мест Китая. Не так давно, лет, может, тысячу или две назад, Хонгчжу был столицей, и с тех пор в нём сохранились памятные исторические места, овеянные ароматом легенд, и множеством больших и маленьких Будд, высеченных в скалах.

Город лежит на берегу живописного озера, по которому изящно разбросаны искусственные острова, сделанные людьми в различные периоды китайской истории.

Был тихий солнечный день, толпы людей слонялись по берегам озера, и среди них бродил я, одинокий монстр, страдающий комплексом неполноценности от внешней непохожести на других. Вдоль тротуаров теснились частные торговцы всякой всячиной — фруктами, орехами, кока-колой, дешёвыми самодельными сувенирами. Иногда попадались экзотически одетые молодые люди; по-моему, это были колдуны или знахари. Они продавали какие-то порошки, корни, черепа и кости диких зверей, что-то пушистое или зубастое, наводящее жуть. Всегда в их репертуаре была засушенная когтистая лапа тигра. Тигр символизирует силу и мужественность. То ли они продавали эту лапу целиком, то ли просто давали потрогать, этого я так и не понял.

Озеро было усеяно лодками с туристами; ещё больше таких лодок стояло вдоль берега, и их владельцы зазывали прохожих. Естественно, я был для них желанной добычей. По-английски они не говорили, а молча хватали меня за рукав, показывали карту озера и тыкали пальцем в острова, на которые они готовы были меня немедленно отгрести за тридцать шесть юаней. Цена была приличная, около семи долларов, и я, как всякий уважающий себя американец, не мог позволить себе пасть жертвой первого же предложения без сравнения вариантов.

Занятие это оказалось бессмысленным: все лодки были одинаковыми, тяжёлыми деревянными челнами, в которых гребец сидел на корме с одним веслом, и цена была всегда одна и та же — тридцать шесть юаней. Так к моему страданию от комплекса неполноценности добавилось ещё и страдание от невозможности

сделать выбор. А главное, мучила загадка: как при явном наличии всех элементов свободного предпринимательства, а именно — частной инициативы, конкуренции и предложения, превышающего спрос, как при всём этом не было хотя бы минимального, но естественного колебания в цене и качестве сервиса? И тут подошёл молодой человек и сказал с напористой вежливостью:

— Would you like to take my boat, sir? (Не хотите ли взять мою лодку, сэр?)

Так вдруг решилась проблема выбора и забрезжила возможность познать тайну бизнеса на озере Хонгчжу.

— Да, конечно, — ответил я с достоинством. — Конечно я would like, чего там.

Молодой человек извлёк замусоленную карту озера и показал мне три острова, на которые он меня сейчас же отгребёт с возвратом на прежнее место. Цена тридцать шесть юаней.

— Даю тридцать, — сказал я и затаил дыхание.

— Не могу, сэр, — огорчился молодой человек. — Цена — тридцать шесть.

— Ну, тогда так: я плачу тридцать, а ты гребёшь меня не на три, а на два острова. Идёт?

— Вы можете не ездить на третий остров, если не хотите, сэр, — сказал молодой человек. — Но цена всё равно — тридцать шесть.

— Тогда так: ты меня отвезёшь на все три острова, а потом ещё на другой берег. И я плачу за это не тридцать шесть, а сорок пять. Договорились?

— Я вас отвезу на другой берег, если хотите, сэр, — терпеливо сказал молодой человек. — Но цена всё равно тридцать шесть.

Я сдался, и мы поплыли. Начинало смеркаться, от озера пахло свежей сыростью. Над нами висела бесконечная тишина веков, и в неё вкрадчиво вплетался плеск весла. Впереди медленно надвигался поросший лесом остров, расположение которого определила не природа, а император пятьсот лет назад.

— Остров построен во времена династии Мин, — объяснил мой экскурсовод. — Его строили несколько поколений. Можете представить?

Это я представил себе очень живо — как тысячи китайцев копают землю и возят её в лодках, неотличимых от той, в которой мы плыли сейчас, в конце двадцатого века. Если бы этот остров строили сегодня, техника строительства была бы точно такой же.

— Вход на остров платный, но заплачу я, это входит в цену, — сказал мой провожатый. — Вы можете прогуляться по

острову, а я подожду в лодке. На противоположной стороне есть маленькое кафе. Предъявите свой билет, и они вам дадут чаю, это тоже входит в цену.

Молодой человек сносно говорил по-английски, но когда отступал от разученной темы, его становилось трудно понимать. Тем не менее я разобрал, что он — инженер, работает полный рабочий день, шесть дней в неделю, а на седьмой день подрабатывает, катая туристов по озеру. Это ему нравится гораздо больше, чем карьера инженера. Настал мой час проникнуть в секрет китайской частной инициативы.

— Скажите, пожалуйста, — попросил я, — почему вы, владелец лодки и частный предприниматель, просите одну и ту же цену за работу, независимо от того, сколько времени она займёт? Почему вы отказываетесь заработать больше, когда вам предлагают? Почему у вас и у всех ваших конкурентов одинаковые цены? Почему, чёрт возьми, вы всё делаете наперекор логике бизнеса?

— Потому, — грустно отвечал молодой человек, — что лодка эта не моя, а государственная. И цену установил не я, а государство. И сколько рейсов я сделаю в день, государство знает, потому что на каждом острове сидит официальный соглядатай, который записывает номера лодок и сдаёт государству ежедневные отчёты. Так что моё — это всего лишь проценты, установленные, опять же, государством. Впрочем, и то неплохо.

Он явно был оптимистом, этот молодой инженер.

— Мне достаётся больше клиентов, чем другим, — объяснил он, — поскольку я единственный на озере, кто говорит по-английски. Так что я чаще, чем другие, вожу иностранных друзей вроде вас.

Разве это не удивительно? — подумал я. — Даже в условиях жёсткого государственного контроля знание иностранного языка может приносить пользу. И мне вспомнилась старая, но поучительная притча о пользе знания языков. Кошка погналась за мышкой. Мышка успела юркнуть в норку. Кошка села перед норкой и стала ждать, но мышка не вылезала. Тогда кошка залаяла собакой. Мышка решила, что собака прогнала кошку, и вылезла из норки. И кошка её съела. Мораль: будешь знать иностранный язык — всегда будешь сыт

Всегда готов!

Помимо исторических достопримечательностей, которыми славен город Хонгчжу, я видел там одну достопримечательность вполне современную — дом пионеров. Если не знать, что это дом пионеров, его можно было бы принять за какой-нибудь дворец императора или буддийский храм или за ещё что-нибудь супер-китайское: традиционная старинная архитектура — крыши, загнутые вверх по углам. Но не знать было невозможно. Перед зданием располагалась скульптурная группа из трёх пионеров. Один трубил в горн, другая (девочка) била в барабан, третий, в середине, самый хороший мальчик, высоко держал что-то важное и торжественное, наверно, честь китайского пионера.

Да, это были те самые примерные мальчики и девочки, которые всегда готовы. Всегда и на всё. Осознав это, я почувствовал лёгкую тошноту, которая быстро сменилась радостью от сознания того, что я уже много лет не принадлежу к принудительной идеологии этих славных мальчиков и девочек.

Иностранные друзья

Нынешний Китай флиртует с Западом.

Впрочем — нет, это не флирт. Это страсть. Это восторг и эйфория оттого, что позволено то, что раньше было под запретом. Оттуда, с Запада, приходят кока-кола, иностранные займы и надежда на лучшую жизнь. Оттуда веют ветры цивилизации. И, конечно же, самый лучший, самый желанный, самый западный Запад — это Америка. Америку любит китайское правительство. Америку любит китайский народ. Широкие массы разучили слово: "hello", и я был жертвой этого нехитрого образования.

— Хелло! — время от времени слышал я из толпы. Я кивал головой, дружелюбно улыбался и отвечал в сторону окрика:

— Хелло, хелло!

Это приводило толпу в восторг.

Одна женщина, продававшая сувениры, минут десять толковала со мной, пользуясь одним словом "хелло", и мы неплохо понимали друг друга. Сначала она крикнула "хелло", и я оглянулся. Тогда она сказала "хелло", поманила пальцем, и я сразу понял, что "хелло" означало "иди сюда". Когда я подошёл, она сказала "хелло" и показала деревянного Будду с голым пузом. Я, как мог, похвалили Будду, но объяснил, что покупать его не хочу. Дескать, с Буддами у меня сейчас хорошо. Женщина положила Будду, заговорщицки сказала "хелло" и показала мне маленький керамический чайник. Мол, не хочешь Будду, и не надо, "хелло" с ним, с Буддой, а вот чайник — другое дело, это уж "хелло" — так "хелло". Я отказался от чайника тоже, и женщина тут же забыла об этом замечательном чайнике, радостно закричала "хелло", хлопнула меня по плечу и продала мне за два юаня набор китайских палочек.

Что говорить, иностранцев любят. Любят так нежно, что слово foreigners, то есть "иностранцы" практически изъято из обращения. Вместо него говорят foreign friends, "иностранные друзья". Магазин для иностранцев существует в каждом большом городе и называется Friendship Store, "Магазин Дружба".

— Это магазин, в котором иностранные друзья покупают сувениры на дружественную нам валюту, — объяснили мне мои местные друзья.

— Вон та касса — для иностранных друзей. (Это было на вокзале; во все остальные кассы плотно давилось коренное население.)

— Эта гостиница построена по проекту иностранных друзей.

В ней живут иностранные друзья.

Надо сказать, что с гостиницами у иностранных друзей проблем нет. Гостиниц достаточно в любом городе, цены на них умеренные, качество хорошее, а иногда превосходное. Количество обслуживающего персонала в отеле пропорционально населению страны. Два человека стоят на улице, открывают двери машин и говорят good morning (доброе утро). Другие два обучены говорить good evening (добрый вечер); они работают во вторую смену. Ещё несколько человек открывают и закрывают двери отеля, а ещё несколько готовы в любой момент отнести любой чемодан на любой этаж. Чаевых не берут, это в Китае не положено. (Впрочем, может, и взяли бы, да никто не даёт, потому что считается, что не положено; существует ли выход из этого логического лабиринта?)

Я вошёл в Шанхайский отель Хилтон без предварительного звонка из горкома, без письма из горсовета, без брони Интуриста, и вообще без всякой брони. Просто зашёл с улицы, попросил номер, заполнил карточку и получил ключ. Я хотел предъявить паспорт, но на него даже не посмотрели. Моё расовое отличие исполняло роль документа.

— Боже, Боже, — думал я, поднимаясь в лифте на семнадцатый этаж и вспоминая рассказы друзей о советских гостиницах, где за двести долларов в день вам дают грязноватую комнату с двадцатипятисвечовой лампочкой и одним полотенцем величиной с носовой платок, — Боже, почему такая разница? Почему один коммунизм оказался настолько глупее и бессовестнее другого коммунизма?

Сталин и Мао слушают нас

Однажды, пробыв в Китае уже немалое время, я позволил себе пошутить. Мы сидели в моём офисе вдвоём с приятелем, европейцем, который постоянно ездит в Китай по делам своего бизнеса и неплохо изучил нравы этой страны. У нас было хорошее настроение, мы рассказывали анекдоты, шутили и хохотали. Вот тут я и сказал (видно, пришлось к слову), что, дескать, хорошо, что Китай — коммунистическая страна, а то бы они тоже, как Япония, побили нас во всех областях экономики.

Мой приятель вдруг перестал хохотать и начал кивать головой и хлопать меня по плечу, явно одобряя шутку, но делал это молча, одновременно прикладывая палец к губам и показывая куда-то в неопределённом направлении, то ли вверх, то ли за стену. Позже, когда мы находились на улице, он сказал мне конфиденциально:

— Видишь ли, они, конечно, любят нас, иностранных друзей, но лучше помалкивать. Никогда не знаешь, где могут стоять микрофоны и какие твои письма и факсы перлюстрируются. Так что будь осторожен. Вы, американцы, очень наивны.

Вот такие дела. Дружба дружбой, но лучше помалкивать. Сталин и Мао слушают нас. Слушают нас. Слушают нас.

Холодный южный Китай

В основном мои контакты с местным населением ограничивались коллегами по работе в пределах офиса или комнаты для совещаний. Но однажды я всё-таки попал в частную квартиру. Меня пригласил зайти мой переводчик Шао Чжан, и я с удовольствием принял его приглашение.

Шао Чжан, совсем ещё молодой человек, живёт вдвоём со своей такой же молодой женой в маленькой двухкомнатной квартире в блочном (а может панельном) доме. Для пары молодожёнов такая квартира — роскошь. Явно Шао Чжан, несмотря на свои юные годы, входит в привилегированный класс; он работает с иностранцами и ездит за границу.

Был месяц март, в квартире стоял собачий холод, и я понял, что молодожёны, согретые любовью, экономят на отоплении. Я деликатно спросил, какая у них в доме система отопления.

— Нет отопления, ноу плоблем, — разъяснил хозяин.

— Как, вообще нет?

— Вообще нет, ноу плоблем.

— А как же зимой?

— Зимой — ноу плоблем.

Оказалось, что отопления в жилых домах нет на всей территории Китая южнее реки Янцзы. Не положено. Так правительство с гениальной простотой решило сложную инженерно-экономическую задачу.

— С иностранными друзьями одна проблема, — пожаловался мне Шао Чжан, — им нужно тепло.

Действительно, в моём офисе и в моей квартире всегда были включены на полную мощность электрические обогреватели. Больше их нигде не было. Мои коллеги-китайцы надевали по шесть свитеров. Осознав это, я устыдился. С другой стороны, лучше стыдиться в тепле, чем гордиться в холоде.

Гам бей!

Китайцы любят банкеты. На банкетах много едят, много пьют, а ещё больше заставляют пить других. Думаю, что этот обычай насильственного гостеприимства обращён главным образом на иностранцев, пардон, иностранных друзей. Чем важнее друг, тем интенсивнее его насилуют. В то же время, чем больше он, иностранный друг, может выпить, тем крепче его уважают. Ну, со мной-то у них трудностей не было. Меня не надо было долго уговаривать, у меня за плечами был жестокий советский опыт. Так что на первом же банкете, устроенном в честь моего приезда, я завоевал любовь и уважение китайского народа.

Сидели, как полагалось, за круглым столом, середину которого занимала круглая вращающаяся платформа. На этой платформе каждую минуту возникало новое блюдо, одно причудливее другого, и каждое блюдо было произведением тонкого восточного искусства. Платформу крутили, чтобы все могли полюбоваться на это восхитительное творение, а потом уносили раскладывать по индивидуальным тарелочкам. Всего таких блюд было подано за время банкета, наверно, пятнадцать или двадцать. Все они были прекрасны, но меньше всего походили на знакомую нам китайскую еду в американском исполнении.

Пили, в основном, напиток, похожий на саке, только тёмного коньячного цвета. Его называют жёлтым вином. Пьют его тёплым, а иногда в рюмку кладут маленький сушёный фрукт, придающий вину дополнительный аромат. Пьют залпом, при этом кричат “Гам бей!”, что значит “До дна!”. Тостов не произносят, но если кто-нибудь сказал что-нибудь смешное или просто умное, появляются желающие с ним выпить. Так что пьют не обязательно все сразу, а группами по два-три или более.

Только мы приступили к трапезе, как кто-то меня спрашивает, нравится ли мне китайская еда. Вопрос задал какой-то важный человек, начальник. Потому что те, которые не

начальники, вообще молчат. Начальник задал этот вопрос, и тут все разом замолчали. Даже жевать перестали. Ждут, что я отвечу.

Я говорю начальнику: очень нравится. За столом возобновилось жевание, все улыбаются, кивают головами. Ответ мой одобряют. Сам начальник на это заявляет, что хочет со мной выпить. И мы, конечно, встаём и выпиваем. В это же время подбегает слуга с чайником и снова наполняет мою рюмку этим тёплым рисовым вином. Такие правила: рюмка не должна быть пустой. Для того тут и слуга стоит наготове. А чайничек у него маленький такой, алюминиевый, но вино в нём почему-то никогда не кончается.

Тут другой начальник, ещё более важный, спрашивает, а какая еда, по моему мнению, лучше — американская или китайская? Очень деликатные люди: задают вопросы, на которые я могу ответить, не кривя душой. Я говорю — китайская, и меня прошибает слеза умиления от собственной искренности. И опять за столом пробегает шорох одобрения и возобновляется жевание, а два человека встают и заявляют, что хотят немедленно со мной выпить. И мы встаём, чокаемся и выпиваем, конечно, до дна. И показываем друг другу, что выпито до дна, чтоб по-честному.

И сразу же, конечно, этот хмырь с чайником подлетел, как ошпаренный, и быстро наполнил мою рюмку. А третий, самый главный начальник задаёт мне самый каверзный вопрос: почему? Почему, говорит, китайская еда лучше, а?

Ну, тут я улиточку свою быстро проглотил, ракушку сплюнул и говорю:

— Это потому, — говорю, что у вас за плечами многовековая культура. Наша, — говорю, — американская еда тоже через пять тысяч лет будет не хуже.

Как только переводчик закончил переводить эту мою замечательную речь, тут сразу ещё три человека, все начальники, встали и захотели со мной выпить до дна, что мы и сделали.

А самый тихий начальник молчал-молчал, сволочь, и вдруг поднимает свою рюмку, только не большую, с жёлтым вином, а маленькую, бесцветную. А в ней — страшная огненная жидкость градусов под восемьдесят, они её тоже вином называют. И вот, мерзавец поднимает это орудие пытки и заявляет, что теперь он лично желает со мной выпить. И мы, конечно, встаём и выпиваем этот изумительный самогон, от которого содрогается всё тело. И тут же, конечно, слуга подлетел с двумя чайниками и быстро наполнил обе мои рюмки, жёлтую и крепкую, чтоб, не дай Бог, не стояли пустыми.

Тем временем на столе уже меняли то ли десятое, то ли пятнадцатое блюдо. Обед подходил к концу; подали суп в плоском фарфоровом тазу огромного диаметра. Суп был густой, и на нём было что-то выложено иероглифами из тонких красных колбасок. Наверно, было написано “Партия — наш рулевой”, а может, что-нибудь про американо-китайскую дружбу. Таз поставили на платформу, покрутили как следует, чтобы все успели прочесть эту супную поэзию, и унесли разливать по тарелкам. А когда подали тарелки, все китайцы вдруг с каким-то особым интересом и даже, я бы сказал, с ликованием стали смотреть, как я этот суп ем. Только я проглотил последнюю ложку, они начали допытываться, из чего, по моему мнению, этот суп был сделан. Я заподозрил неладное и говорю:

— Ох, уж не свинина ли?

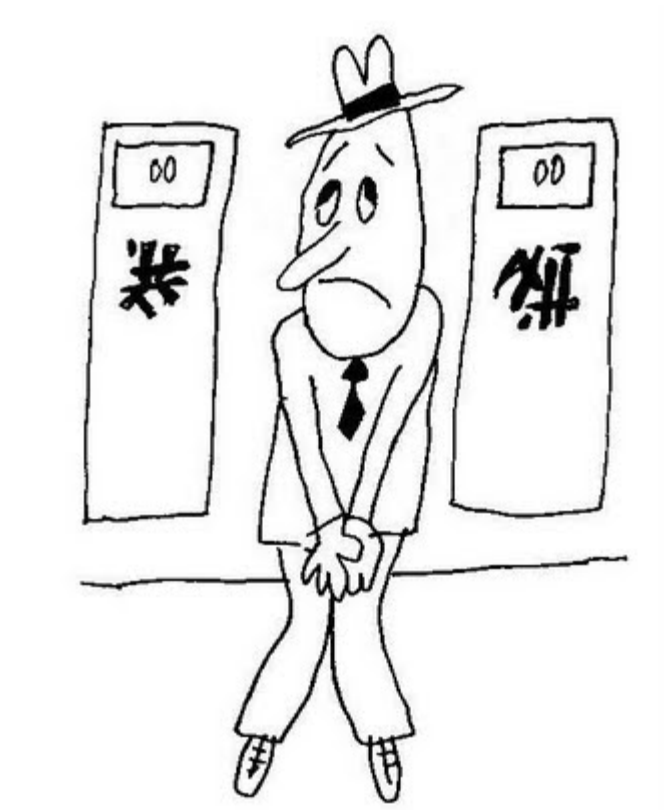
Тут китайцы мои окончательно возликовали и разъяснили, что супчик-то был из змеи. Я сделал глубокий вдох, быстро поднял крепкую бесцветную рюмку, благо была налита, и знаками объяснил, что желаю немедленно выпить со всем коллективом. Мы выпили, и я не стал закусывать. Так помаленьку и оттянуло.

Еду продолжали подавать, но меня уже не так сильно радовали эти сказочные блюда — ни кальмары, переложенные бамбуком, ни плавник акулы, ни маленькие крабики в сугробе чего-то белоснежного. Под десерт уже не пили. Докушавши, все начальники разом поднялись и пожелали своему американскому другу спокойной ночи.

Наутро я проснулся в страхе от ожидания головной боли. Но ничего этого не было — ни головной боли, ни тошноты, ни прочих, отвратительно знакомых симптомов похмелья. Вот она, вековая культура, подумал я и в очередной раз с жалостью вспомнил о несчастной, стонущей по утрам России.

Причуды китайской грамоты

Если вы окажетесь в Испании, не зная испанского языка, или, скажем, в Германии, не зная немецкого, или даже в Греции, не зная греческого, вы всё равно что-нибудь поймёте в окружающем вас мире. Вы видите слова, состоящие из букв, и вы знаете, что каждая буква обозначает определённый звук. Вы можете сложить их вместе и по созвучию попытаться понять значение написанного. Но вот вы попадаете в Китай, и тут вас охватывает отвратительное ощущение полной слепоты и глухоты. Вас обступают иероглифы. Вы видите надпись, но вам сроду не догадаться, что она значит — “Продовольственные товары”, или “Вход воспрещён”, или “Партия — наш рулевой”.



Весь ужас китайской письменности в том, что она не имеет отношения к фонетике. Иероглифы не обозначают звуков, а обозначают то ли предметы, то ли понятия, когда как придётся. А значит, и произносить их можно как придётся. Увидишь

закорючку — хочешь, произноси её “хрен”, а хочешь — “редька”. Вот такой жуткий язык. В результате в Китае существуют сотни, а то и тысячи диалектов. И те, кто живёт в Шанхае, не понимают тех, кто живёт в Хонгчжу, за двести километров.

В одну из поездок в Китай меня сопровождала моя жена. Когда мы летели из Токио в Шанхай, она вдруг радостно объявила, что уже может немного читать по-китайски. Она знает, как пишется слово “выход”. Оно состоит их двух таких маленьких загогулин, одна из которых похожа на трезубец, а другая — просто квадрат с маленьким хвостиком.

Пришла стюардесса и раздала “Health Declaration” — вопросник, который нужно предъявлять при въезде в страну. Дескать, нет ли у вас температуры, кашля, кровотечения, малярии, поноса и тому подобного. Только мы углубились в заполнение этих интимных анкет, как вдруг моя жена заявляет, что её китайский язык только что усовершенствовался ещё сильнее. Ну-ка посмотри, говорит, на слово “кровотечение” и сравни его со словом “выход”. И вот я пристально смотрю на эти, казалось бы, совершенно различные слова, и, представьте себе, обнаруживаю в них одну и ту же загогулину, этот самый трезубец. И меня охватывает священный трепет от такого неожиданного проникновения в тайны китайской грамоты. Кровотечение. Выход. Выход крови.

— О, Боже! — шепчу я. — Понос!

— Допрыгался, — злорадно говорит жена. — Предупреждали тебя: не ешь сырых осьминогов!

— Да нет же! — кричу я. — Надо проверить слово “понос”! В нём должен быть тот же самый иероглиф!

И мы вместе бросаемся к китайскому написанию слова “понос”, но, к своему разочарованию, не находим в нём ничего похожего на полюбившийся нам трезубец. Так мы снова, уже который раз в жизни, убеждаемся в том, что язык не укладывается в формулы и не поддаётся экстраполяции. Он, проклятый, ничему не поддаётся, кроме тупого заучивания. Если вы, читатель, хотите знать иностранный язык, вам придётся смириться с этой неумолимой истиной.

Моё открытие Китая

Конечно же, дорогой читатель, я смотрел на Китай не глазами рядового американца. Я смотрел на него глазами рядового выходца из Советского Союза (помните, была такая страна?). Всё, что я видел, слышал, чуял, щупал, — я всё автоматически сравнивал со своей географической родиной. В результате своих наблюдений я сделал довольно банальное открытие: в чём-то Китай и СССР поразительно сходны, а в чём-то — поразительно различны. При этом сходства всегда легко предсказуемы и почему-то одинаково противны, как, например, реющие красные знамёна или радостно марширующие физкультурники. Различия же, наоборот, обычно оказываются приятной неожиданностью. Так, в числе прочих удивительных открытий, я обнаружил, что в Китае, несмотря на наличие социализма, власти трудящихся, единства партии и народа и тому подобных элементов всеобщего счастья:

— в магазинах есть продукты и нет очередей,
— простой китайский мужик, будь то работяга на стройке или труженик полей, большую часть времени работает и остаётся трезвым,
— при въезде в Китай вас не обыскивают на таможне,
— при выезде из Китая вас, опять же, не обыскивают.

Но самое удивительное моё открытие в Китае было связано с именем генерала Чан Кайши (кстати, на Западе его называют Чан Кайшек). Если вы помните, читатель, какое-нибудь более ненавистное имя в советских газетах пятидесятых годов, чем имя Тито, то это был Чан Кайши. Политические карикатуры тех времён изображали его этаким отвратительным раскосым карликом с торчащими вперёд кроличьими зубами, в генеральских погонах и фуражке с кокардой. Фуражка с кокардой в советских политических карикатурах была признаком особенно нехорошего человека.

Чем же так провинился перед товарищем Сталиным бедняга Чан? А тем, оказывается, что не сдался товарищу Мао. Он сражался с коммунистами до последнего, он отступил на Тайвань, но не сдался. Коммунисты так и не захватили Тайвань. И сейчас в центре Тайбея, столицы Тайваня, красуется мемориал Чан Кайши, перед великолепием которого бледнеют все мемориалы Вашингтона, сложенные вместе, даже если к ним

добавить ещё и мавзолей Ленина.

Во время моего пребывания в Китае я узнал, что неподалеку от того места, где я проводил свои тоскливые рабочие дни, находится маленький городок Чи-Ко, в котором родился и вырос Чан Кайши. Удивлению моему не было предела. Не потому, что Чан Кайши родился и вырос, а потому, что мои китайцы говорили об этом свободно и даже как-то с безразличием. По моим понятиям, они должны были делать вид, что Чан Кайши вообще нигде не родился. Мало того, они предложили vмне в ближайший выходной съездить в город Чи-Ко и навестить памятные места славного мистера Чана. Разумеется, я принял их предложение.

Чи-Ко оказался маленьким городком, кишащим народом, как и все китайские города. В самом красивом месте над рекой стоял дом-музей генерала Чан Кайши. Здесь он жил со своей женой. В другом месте располагался другой дом-музей генерала Чан Кайши. Здесь жили его родители, здесь он родился и вырос. Можете вы, читатель, представить себе дом-музей Деникина в брежневском Советском Союзе? Или дом-музей Николая Второго во времена Сталина?

Но и это ещё не всё. В нескольких километрах от города Чи-Ко находилась могила матери Чан Кайши. Могила была расположена довольно высоко в горах; к ней вела ступенчатая мощёная дорожка, по которой тёк нескончаемый поток людей. Я вглядывался в лица этих людей, стараясь прочесть и понять их мысли. По моим расчётам, это должны были быть крамольные мысли, а все эти люди должны были быть диссидентами. Но они совсем не были похожи на диссидентов. Это была самая обычная, невзрачная китайская толпа, с толстозадыми домохозяйками, с пионерами в красных галстуках, с мужчинами и женщинами, стариками и старухами. Те, кто не мог идти в гору, нанимали носилки. Достигнув могилы мадам Чан, люди фотографировались перед ней и шли обратно, под гору, к своим автобусам и велосипедам, которыми на целый километр была уставлена прилегающая дорога.

На обратном пути я затеял разговор со своим переводчиком в бесплодной попытке постичь смысл увиденного.

— Послушай, — сказал я, — насколько я понимаю, Чан Кайши у вас официально считается врагом, правильно?

Переводчик мой почему-то смущённо заулыбался, но признал, что да, действительно считается врагом. Нехорошим человеком.

— Тогда почему, — не отставал я, — его имя не находится под запретом? Почему существуют все эти музеи и мемориалы?

— Потому что мистер Чан жил в этом городе, — объяснил

переводчик.

Я сдался. Открытие Китая не состоялось.

Китайский кондиционер воздуха: третий путь

Я прилетал в Китай и улетал из Китая разными путями, на самолётах разных авиакомпаний. И только однажды я совершил внутренний перелёт, из Хонгчжу в Пекин, то есть из Китая в Китай, на китайском самолёте, с простым китайским народом, без всяких этих импортно-экспортных аксессуаров, вроде Duty-free shop, What would you like to drink и прочих признаков буржуазного разложения.

Самолёт оказался советским ТУ-154. В первый момент это повергло меня в смятение, но потом я взял себя в руки, устыдившись собственной трусости. Позор, сказал я себе. Люди миллионами летают на этих самолётах и ничего, не падают. А если даже и падают, то в нашу эпоху информации и гласности об этом сразу же сообщают их родным. Так что бояться совершенно нечего.

Было жаркое лето. В самолёте стояла спёртая, изнуряющая духота. Я вспомнил, что в советских самолётах нет кондиционеров. Пока он летит, он вентилируется забортным воздухом, а когда сидит на земле, не вентилируется вообще. Как хочешь, так и дыши. Наш самолёт оставался на земле в Хонгчжу довольно долго. Я взмок и задыхался, и даже привычные к лишениям китайцы изнемогали. И тут появилась стюардесса с тележкой. Слава Богу, подумал я, может быть, холодная вода принесёт облегчение. Каково же было моё удивление, когда стюардесса вместо напитков стала раздавать… угадайте, что. Нет, не закуски. И не пластиковые пакетики для авторучек на случай, если потекут от перепада давления (как делали когда-то в Советском Союзе). Веера — вот что раздавала стюардесса. Дешёвые, но довольно изящные, разрисованные цветочками веера из плотной бумаги, которые граждане пассажиры имели право оставить себе в качестве сувенира. Схватившись по вееру, граждане пассажиры начали ими энергично обмахиваться. Я последовал их примеру и почувствовал облегчение на грани блаженства.

Я храню этот спасительный веер по сей день. Глядя на него, я не перестаю восхищаться китайским мышлением, которое сумело найти столь уникальный путь к решению технической задачи. Этот путь отличен от западного, основанного на простом предположении, что человеку надо дышать, и приведшего к оборудованию самолётов кондиционерами воздуха. Он также

отличен от советского пути, основанного на ещё более простом предположении, что и так не сдохнут. Это — третий, китайский путь.

У них в столице

По правде говоря, Пекин (правильнее — Бейджин) мне не понравился. Как всякая имперская или советская столица, он старается выглядеть современным и поэтому похож на Черёмушки. Он так же уныло безлик и безнационален, за исключением, конечно, Запретного Города.

Я уверен, читатель, что вы знаете, что такое Запретный Город, вы видели фильм “Последний император”. Да, он безоговорочно прекрасен, с его тысячами больших и маленьких дворцов под золотистыми крышами, с его дворами, двориками, площадями и переходами, с таинственными символами цветовых сочетаний, с множеством кровавых легенд и романтических азиатских сказаний. Запретный город не так стар, как многие думают, ему всего лет пятьсот. Он был построен во времена династии Мин одним махом, всего лет за пятнадцать.

Сегодня у главного входа в Запретный Город давится толпа китайских граждан, приехавших посетить свою столицу. Зато у соседнего входа никто не давится: это вход для иностранных друзей. Здесь вы попадаете в китайскую историю без очереди и ажиотажа, сохраняя своё заокеанское достоинство. Здесь вам предлагают сувенирные маечки по 25 юаней с надписью “Forbidden City” и магнитофон с индивидуальной экскурсией на любом языке.

К Запретному Городу примыкает огромная знаменитая площадь Тяньаньмэнь, навевающая одновременно ужас и скуку. Вот как она описана в туристическом справочнике Пекина, изданном на английском языке:

“На южной стороне площади расположен великолепный Мавзолей Председателя Мао, а также Монумент Народных героев. На западной стороне — Величественный Дворец Народа, а на восточной — Музей Китайской Революции и Китайской Истории”.

Как видите, площадь Тяньаньмэнь организована по рецепту покойного Старшего Брата, т. е. Советского Союза, в отличие от Китая, завершившего строительство социализма. Что ж, Старший Брат умер, но дело его живёт.

Само название “Тяньаньмэнь” — это название ворот, отделяющих площадь от Запретного Города. Оно значит «Райские ворота” или “Ворота на небеса”. Что считать небесами — Запретный Город или площадь Тяньаньмэнь — это, очевидно, зависит от вашей идеологии или от того, в каком направлении вы проходите через эти ворота. На райских воротах висит огромный

портрет Председателя Мао, с удовлетворением взирающего через всю площадь на свой собственный мавзолей.

Пока мы с Председателем глядели на этот последний и решительный оплот социализма, на примыкающей к площади Тяньаньмэнь главной улице вдруг произошла какая-то суета, граничащая с паникой, раздались милицейские свистки, забегали регулировщики, движение разом остановилось, и по улице промчался кортеж чёрных “Чаек”. Не знаю, как Председатель, а я ощутил лёгкую тошноту, граничащую с ностальгией.

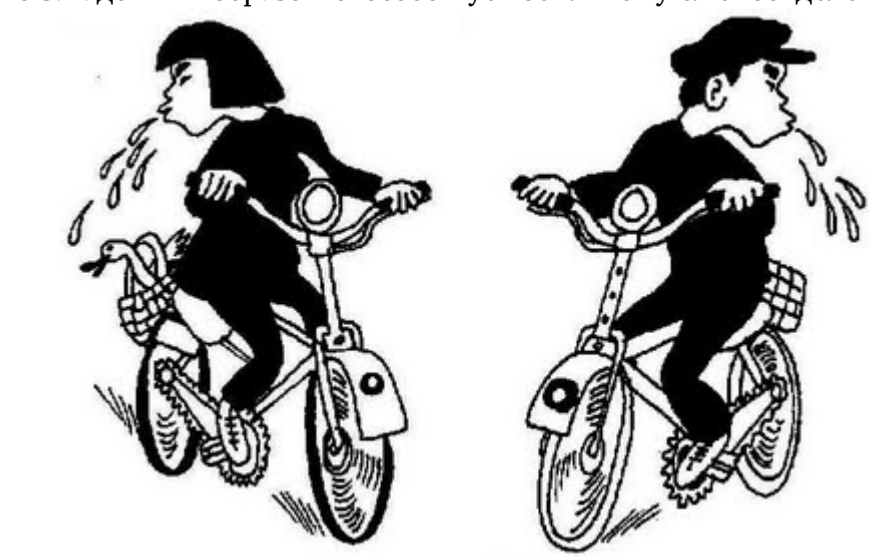
А нам плевать

Почему-то китайцы всё время плюются. Улицы китайских городов так плотно заплёваны, что под ноги лучше не смотреть, а то стошнит. Но не смотреть нельзя, а то поскользнёшься. Кроме того, желательно ещё и не слушать: плюются они с душераздирающим харкающим звуком. О, этот звук! Этот кошмар западного туриста в Китае! Воспоминание о нём по сей день вызывает у меня мурашки по телу и спазмы в желудке.

Однажды я ехал в машине по городу Хонгчжу, и шофёр, которого мой переводчик уважительно называл “мистер драйвер”, каждые две-три минуты истошно отхаркивался, на полном ходу открывал дверь машины, с силой плевал в землю и снова захлопывал дверь. Сам переводчик, сидевший рядом с мистером драйвером, тоже время от времени производил плевки, но через правую дверь. Я не выдержал и спросил, почему они это делают. На что мистер драйвер при посредстве мистера переводчика разъяснил:

— Потому что окна не открываются. Сломались.

Пребывая в этой неистово плюющейся стране, я вспомнил слова пролетарского поэта Маяковского, который тоже любил плеваться направо и налево: “Плюну раз — мать моя мать, плюну два — мать моя мамочка!” Я подумал, что это, может быть, не случайно. Наверное, идеология победившего социализма каким-то загадочным образом способствует обильному слюноотделению.



Что едят китайцы

Это вопрос, на который легко ответить. Они едят всё.

Они едят рыб и моллюсков. Они едят овощи, фрукты, корни, листья, ростки, стебли, стволы, кусты и деревья. Они обожают водоросли. Они лакомятся медузами, червями, цикадами, ящерицами и гнёздами птиц. Если попадаются собаки — едят собак. Если попадаются кошки — едят кошек. (Поэтому собаки и кошки попадаются редко). В общем, они едят всё, что бегает, ходит, летает, плавает, ползает, шевелится или просто неподвижно растёт. У этой нации хороший аппетит.

Один ресторан в городе Хонгчжу славится блюдом, которое называется «Битва тигра с драконом". Оно приготовлено из кошки и змеи. Этого романтического блюда я не пробовал. Зато я ел там другое блюдо: цыплёнка, завёрнутого в лист лотоса и испечённого в земле. Делают его монахи, и на приготовление этого кушанья уходит двадцать четыре часа. Лист лотоса придаёт цыплёнку необыкновенный аромат, который усиливается то ли атмосферой восточной экзотики, то ли вашим разнузданным воображением.

А чего не едят китайцы?

На этот вопрос тоже легко ответить, хотя, учитывая всеядность китайского народа, ответ может показаться несколько неожиданным. Представьте себе, они не едят ничего молочного. Ни молока, ни масла, ни творога, ни простокваши. Я бывал на китайских рынках, где продавалось всё — от побегов бамбука до сушёных медуз, — но молоком там и не пахло. Я спросил переводчика, чем объяснить такой однобокий дефицит. Его ответ был как всегда незамедлительным и исчерпывающим. Китайцы, сказал он, не любят молочных продуктов. И тогда я поверил в мистическую загадочность этой нации, которая, пожирая скорпионов, не находит вкуса в сыре.

Обед с музыкой

Первое октября — красный день китайского календаря, годовщина Великой Китайской Социалистической Революции. На улицах провинциального города Ниньгбо попадались красные флаги, но в остальном всё выглядело буднично, как в любой другой день. Улицы кишели велосипедистами, на стройках лупили кувалдой чего-то железного, и мелкие частники с истошными воплями продавали фрукты с лотков.

Немного о фруктах. Некоторые китайские фрукты выглядят довольно необычно, например — бледно-жёлтый цитрус величиной с хороший арбуз. Другой фрукт (а может, наоборот, овощ) больше всего походит на стройматериал: этакие двухметровые бамбукообразные палки, либо зелёные, либо коричнево-фиолетовые. Это — сахарный тростник, нехитрое уличное лакомство местного населения. Продавец отрезает вам палку любой длины по вашему заказу, взвешивает её, мгновенно обстругивает и вручает вам. И вы начинаете откусывать от этого сладкого стройматериала, высасывать его сок и выплёвывать щепки на тротуар. И от этого интенсивного плевания у вас возникает чувство духовного родства с местным населением.

В тот праздничный день нас было четверо белолицых, включая трёх моих сотрудников. Мы просто бесцельно бродили по улицам. Мы изгрызли несколько погонных метров сахарного тростника, заплевали и без того заплёванный исторический город Ниньгбо и теперь были готовы обедать. Наше внимание привлёк небольшой, но относительно чистый на вид ресторан. Мы зашли, и в ресторане, как и следовало ожидать, поднялся переполох. Официант позвал старшего официанта. Старший официант позвал директора. Все вместе они заметались, стремительно накрыли для нас самый лучший стол и откуда-то привели девушку, которая торжественно объявила, что говорит по-английски и готова нас накормить.

Ресторан оказался хорошим, со специфической кухней провинции Чжэцзян. Пока мы наслаждались морскими тварями этой славной провинции, все остальные посетители ресторана, наоборот, перестали есть и с восторгом глядели на нас. Их, похоже, восхищало, что эти странные бледнокожие существа с круглыми глазами точно так же, как все нормальные люди, запихивают еду в рот, который у них даже находится на том же месте.

За соседним столом сидела небольшая компания, а может,

семья, которая всё время пыталась привлечь наше внимание. Они улыбались, кивали головами и, наконец, подозвав нашу официантку, что-то ей сказали. Официантка вернулась к нам и объяснила, что это действительно семья и что они приехали из Шанхая.

Мы сказали, что это очень хорошо, что они из Шанхая.

Тогда дружелюбная семья передала через официантку, что они приехали в гости к родственникам.

Мы сказали, что это тоже хорошо, что они приехали в гости к родственникам.

Но дружелюбная семья на этом не успокоилась, а попросила официантку объяснить иностранным друзьям, что их дочка играет на виолончели.

Мы сказали, что это просто замечательно, что их дочка играет на виолончели.

Тогда семья спросила, не хотят ли иностранные друзья послушать, как прекрасно играет на виолончели эта дочка.

Мы сказали, что, конечно, очень хотим.

Откуда-то мгновенно принесли виолончель, одни столы сдвинули, другие раздвинули, и в образовавшийся полукруг поставили стул с дочкой и виолончелью. Дочка, которой было на вид года четыре, ухватила виолончель и быстро принялась играть на ней с необыкновенной для такого крошечного существа решительностью и серьёзностью. Она безошибочно выпиливала одно произведение за другим, мы хлопали, семья изнемогала от счастья.

— Прекрасные, чистые люди! — философски заметил мой сотрудник. — Можете вы представить себе подобную сцену в Нью-Йорке?

И мы, все четверо, разом устыдились своей испорченности.

Торжество и ликование

Как вы понимаете, читатель, я ездил в Китай не для своего личного удовольствия, а по делам службы. Моя компания, в числе многих других американских компаний, осуществляла техническую помощь братскому недоразвитому Китаю. Конечно, мы делали это не от избытка симпатии, а в целях наживы, обогащения и получения максимальной сверхприбыли. Мы осуществляли эту корыстную братскую помощь около трёх лет и доосуществлялись до того, что проект — новый глубоководный причал в порту Ниньгбо — был успешно закончен.

Как вы догадываетесь, читатель, в Китае всё всегда заканчивается успешно. Успешно выросли подъёмные краны, все сплошь — красного цвета. Успешно загудели корабли. Успешная сдача причала в эксплуатацию была приурочена ко дню Великой Китайской Социалистической Революции. Так я снова оказался в Китае вместе со своими сотрудниками. Целью этой нашей поездки были две задачи: первая — как можно больше съесть, вторая — как можно больше выпить. Это была приятная, хотя и утомительная командировка.

Главным мероприятием, ради которого мы, собственно, приехали в Китай, была торжественная церемония открытия глубоководного порта. Эта церемония происходила прямо на причале, под открытым небом и в точном соответствии с каноном, который был установлен ещё в Советском Союзе в давние годы. Как полагается, имели место:

— огромный, в три ряда, почётный президиум, для которого был специально построен деревянный помост,
— трибуна с микрофоном,
— пионеры и пионерки с воздушными шариками,
— духовой оркестр, который мучительно фальшивил, но зато выглядел очень нарядно,
— торжественное перерезание красной ленточки,
— выпускание голубей в ясное синее небо,
— выпускание воздушных шариков в это же небо.

Ну, и конечно, нескончаемые речи про успешное завершение строительства, которое стало возможным благодаря дружбе и сотрудничеству. Либо, наоборот, про дружбу и сотрудничество, благодаря которым произошло успешное завершение.

Иностранным друзьям тоже было отведена роль в этом

спектакле. Накануне вечером, как только мы прибыли в город Ниньгбо, самого главного из нас — вице-президента моей компании — отвёл в сторону наш знакомый переводчик Шао Чжан. Несмотря на свои юные годы, Шао Чжан обладает колоссальной властью в этом китайско-американском содружестве. Во всех наших бесконечных встречах, совещаниях, заседаниях и переговорах он — единственный из китайцев, кто понимает, что говорят иностранные друзья, и единственный среди американцев, кто понимает, что говорят китайские товарищи. Поэтому на нём всегда сосредоточиваются эмоции обеих сторон. Нет Шао Чжана — и всё мгновенно умирает. Умолкают жаркие беседы, угасают страсти, увядают улыбки. Высокие договаривающиеся стороны перестают замечать друг друга, до тех пор, пока не вернётся из туалета спасительный Шао Чжан. Сам Шао Чжан хорошо понимает свою значительность и весьма искусно манипулирует ею в своих мелких корыстных целях.

Так вот, в тот вечер Шао Чжан отвёл в сторону моего вице-президента и дал ему такие распоряжения:

— Завтра вы должны произнести речь. У вас будет десять минут, включая перевод. Лучше уложиться в восемь. Говорите только о нашей нерушимой дружбе и сотрудничестве, не надо больше ни на что отвлекаться. Впрочем, не беспокойтесь: в случае чего, я переведу как надо. Сегодня вы должны написать свою речь, чтобы я успел её перевести и утвердить у мистера Ху.

— Зачем писать, если вы всё равно переведёте как надо? — спросил в растерянности вице-президент.

— Чтоб утвердить у мистера Ху.

Мой вице-президент мой покорно вздохнул и накатал речь.

— Хорошо, — одобрил Шао Чжан, прочитав речь. — Вот только это ни к чему: “Несмотря на отдельные трудности, строительство было успешно завершено”. Скажите просто: ”Строительство было успешно завершено”. Так будет понятнее.

На следующий день отдохнувший от дальней дороги вице-президент взошёл на трибуну и вдохновенно выкрикнул, косясь на переводчика:

— Благодаря нашей нерушимой дружбе и сотрудничеству, строительство порта было успешно завершено!

Шквалом аплодисментов была встречена эта яркая мысль. В ясное синее небо взлетели голуби. Оркестр вразброд рванул “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” с китайским акцентом.

Подозрительный мистер Бо

За торжественной церемонией открытия порта последовало несколько дней торжественных обедов, завтраков, ланчей, бранчей и прочих актов общественного питания с речами и тостами. И речи, и тосты были совершенно одинаковыми — о том, как, благодаря дружбе и сотрудничеству, успешно завершилось строительство. Ключевые слова “дружба” и “сотрудничество” были необходимыми и достаточными; всё остальное состояло из предлогов, союзов и фамилий начальников. Слушать эти тосты было легко и приятно, как шелест ветра в бамбуковой роще. Например, встаёт мистер Ю и говорит:

— Благодаря дружбе и сотрудничеству между нашим портом и вашей компанией, а также чуткому руководству мистера Ху, строительство было успешно завершено!

И мы все хлопаем в ладоши, а некоторые ещё хлопают мистера Ю по плечу — дескать, молодец, Ю, хорошо сказал!

Затем мистер Йи тоже просит слова и, получивши его, говорит так:

— Наша дружба и сотрудничество, — говорит, — усиленные вдумчивым руководством мистера Ху и мистера Ю, сделали возможным успешное завершение!

И мы ещё сильнее хлопаем в ладоши, потому что уж очень хорошо и правильно сказал мистер Йи, не придерёшься.

А мой вице-президент тоже не лыком шит, знает, как надо с клиентом разговаривать, на то он и вице-президент. Он так, по-простому, дожёвывает своего моллюска, обводит всех открытым голубым взором и говорит задушевно:

Мы, — говорит, — давно знаем друг друга, поэтому давайте будем откровенны. Будем, — говорит, — смотреть правде в глаза. Успешное завершение строительства стало возможным благодаря чему? Благодаря как нашей дружбе и сотрудничеству, так и искусному руководству мистеров Ху, Ю, и Йи.

И тут уж все прямо изнемогают от рукоплесканий. Переглядываются друг с другом, многозначительно кивают. Вот, дескать, голова этот ваш вице-президент! Прямо тебе кладезь мудрости. Ну хоть тресни, лучше не скажешь.

А мистер Ху, змеюка, смотрит на меня так ласково, что тебе отец родной. И объявляет, что теперь пришла моя очередь что-нибудь такое произнести. Мол, посачковал и хватит, а сейчас давай, вкладывай свою лепту в наше общее дело! И вот под

радостные возгласы моих китайских коллег я срываю с груди салфетку, и, расплёскивая своё желтое вино, поднимаюсь со стула.

Ах, сколько раз я давал себе зарок не высовываться, когда не надо! Ну, чего, казалось бы, проще: когда не просят — молчи, когда просят — говори то, что просят. Так нет же, опять кольнула в зад этакая игривая заноза и стало невтерпёж от желания ляпнуть чего-нибудь особенно задушевного. Я сказал:

— Жил в восьмом веке замечательный китайский поэт Бо Цзюй-И…

За столом воцарилось испуганное молчание.

Так случилось, что перед самым отъездом в Китай мне на глаза попалась книжка китайской классической поэзии. Я взял её с собой и читал в самолёте, наслаждаясь древней восточной мудростью. Особенно мне понравилось стихотворение Бо Цзюй-И под названием “Спрашиваю у друга”. Поэт рассказывает о том, как он посадил орхидею, но вместе с нею взошла полынь.

Неокрепшие корни сплелись так, что вместе растут.
Вот и стебли, и листья уже появились на свет.
И душистые стебли, и листья зловонной травы

С каждым днём, набирают всё больше сил.
Мне бы выполоть зелье — орхидею боюсь задеть,
Мне б полить орхидею — напоить я боюсь полынь.

Меня восхитила эта горько-ароматная символика сплетения орхидеи и полыни, прекрасного и гадкого, добра и зла, которые невозможно разъединить. Я увидел в этом образ сегодняшнего Китая, в котором переплетаются изумительная древняя культура и омерзительная нынешняя идеология.

Разумеется, я не собирался делиться этими порочными мыслями со своими китайскими товарищами. Я вообще не знаю, чем я собирался закончить свой тост. Просто мне очень хотелось поразить воображение товарищей знанием их древней культуры. И вот, я радостно объявил, что жил, дескать, на свете китайский поэт Бо Цзюй-И, и услышал в ответ зловещую тишину. И переводчик Шао Чжан, хитрый политикан, тоже молчит, как в рот воды набрал.

За время пребывания в Китае я научился тонко чувствовать незримые волны политического настроя моих хозяев. Я уловил мгновенно возникшую настороженность, граничащую с тревогой.

Явно старик Бо Цзюй-И был у них не в почёте. Уж кто его знает, чем он провинился. Может, тем, что печатается на Западе. А может, тем, что жил слишком давно, и потому неясно, как он отнёсся бы к великим социалистическим свершениям. В общем, неважного я выбрал себе героя.

Но деваться некуда, я продолжаю с надрывом:

— Этот замечательный китайский поэт написал замечательное стихотворение о том, как он посадил замечательную орхидею, но вместе с ней взошла полынь.

Переводчик молчит, только недобро косит своим китайским глазом. Я говорю:

— Чего молчишь? Давай переводи.

Он отвечает по-английски:

— Какое это имеет отношение к дружбе и сотрудничеству?

— Когда закончу, тогда и узнаешь, — говорю я.

— Ну, вот когда закончишь, тогда и переведу.

Тут я окончательно понял, что влип. Подвёл меня китайский классик. Надо выкручиваться. Я говорю:

— Замечательный поэт Бо Цзюй-И, — говорю, — не знает, что делать: поливать орхидею или полоть полынь. Но мы с вами знаем, что делать. Мы должны немедленно выпить за нашу дружбу и сотрудничество, благодаря которым произошло успешное завершение!

Судя по длине перевода, я понял, что хитрый Шао Чжан отбросил всю эту двусмысленную лирику и перевёл одну последнюю фразу. Что тут началось! Китайцы мои вскочили, захлопали, стали трясти мне руку и поздравлять с тем, какой прекрасный и глубокомысленный тост я придумал. Лично мистер Ху говорит:

— Я, — говорит — всегда знал, что ты, Алекс, очень умный, просто это в глаза не бросается.

А вице-президент мой сказал так:

— Ты, Алекс, произнёс прекрасную речь. Хорошо, что никто из них ничего не понял.

Эпилог

Время мчит вперёд, время катится, как пелось в скабрёзной русской частушке.

Прокатились месяцы, прозвенел мой звонок, и пришло время насовсем прощаться с моими китайскими друзьями. И вот уже застенчивый юноша Шао Ли грузит меня вместе с чемоданами в свой неизменный джип и везёт в город, на станцию, отправлять в далёкий, неведомый западный мир. Как всегда, с нами в машине хитрый переводчик Шао Чжан и несколько начальников разных калибров.

— Ну, что, — говорит один начальник, который поглавнее, — хочешь опять приехать в Китай?

Я говорю, что хочу. Я не лицемерю. Мне жалко расставаться с этими милыми людьми, в которых удивительно уживаются наивность и коварство, искренность и лживость. Несмотря на различие идеологий, между нами протянулась невидимая нить взаимной симпатии. Один начальник, в знак особого расположения, переходит на русский язык:

— Очень хорошо, товарищ, — говорит он, хлопая меня по колену. — Сегодня хорошая погода. Партия — наш рулевой.

Я, как могу, отвечаю по-китайски:

— Хэн хао. Сье сье. Цай тье. [1]

Им, конечно, проще. Они все учили в детстве русский язык, и основополагающие фразы из букваря навечно застряли у них в мозгах. Мы выгружаемся из джипа. Самый хилый на вид начальник хватает мой самый тяжёлый чемодан. Я знаю, что этот начальник — секретарь партийной организации, но я этого знать не должен. От нас, иностранных друзей с Запада, все старательно скрывают свою партийность. Такова инструкция свыше.

— Ше-хихияну, ве-хигияну, ве-кииману, лазман хозе,[2] — молюсь я про себя, переходя с китайского на иврит. — До каких дней я дожил! Партсекретарь тащит чемодан беспартийного еврея!

Я пытаюсь ему помочь, но тщедушный партсекретарь меня отпихивает.

— Здравствуйте, товарищ! — радостно выкрикивает он сквозь одышку. — Как поживаете! Мальчик и девочка идут в школу!

Меня грузят в положенный мне по чину мягкий вагон с засаленными сиденьями. Поезд гудит и трогается.

notes

Примечания

1

Очень хорошо. Спасибо. До свидания. (Кит.)

2

Спасибо, что я дожил до этого дня. (Еврейская молитва)